

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

В. П. Визгин

ЛИЦА И СЮЖЕТЫ РУССКОЙ МЫСЛИ

Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований»
Москва 2016

УДК 1/14
ББК 87.3
В 428

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы
«Культура России (2012—2018 годы)»

Визгин В. П.

В 428 Лица и сюжеты русской мысли. — М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. — 360 с.

ISBN 978-5-9906133-6-2

Книга представляет собой собрание работ, посвященных различным русским философам и ученым от В. А. Жуковского до Георгия Гачева. В ранее изданных книгах автора эти работы не публиковались. Книга состоит из двух частей, разделенных по хронологическому принципу. Первая часть посвящена представителям русской мысли золотого и серебряного веков. Во второй части представлены работы о лицах и сюжетах философии советского и постсоветского периодов русской истории.

Значительное место в книге уделено проблеме соотношения платонизма и экзистенциальной ориентации философии, в которой, по мнению автора, кроется один из главных концептуальных «узлов» русской мысли. В ней также раскрывается значение русской религиозно-философской мысли для возникновения европейского экзистенциализма. Русская мысль, подобно французской, по мнению автора, развивается традиционно в тесной связи, прежде всего, с литературой, выступающей ресурсом ее экзистенциальной направленности.

УДК 1/14
ББК 87.3

© В. П. Визгин, 2016 г.

© Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований», 2016 г.

ISBN 978-5-9906133-6-2

Содержание

Предисловие	9
-------------------	---

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Золотой и серебряный век русской культуры

Жуковский как философ: заметки благосклонного читателя.....	11
Лев Шестов и экзистенциальная мысль	33
Экзистенциальный философ под микроскопом филолога	52
Платонистские и экзистенциальные мотивы в религиозной философии Флоренского	65
Платонизм Павла Флоренского как экзистенциальный опыт	133
Резонансное движение культуры: Достоевский — Вяч. Иванов — Марсель	144
Экзистенциализм и богословская мысль Георгия Флоровского.....	159
Дурылин как философ	178
Французская философская традиция: значение для России	186

ГЛАВА ВТОРАЯ

После серебряного века

Феномен А. Ф. Лосева	191
Возвращение прошедшего: читая дневники Чуковского.....	196
Александр Михайлов: встреча и резонанс идей.....	211

Гаянэ Тавризян как философ.....	218
Георгий Гачев: мысли вдогонку.....	229
Трагедия философии глазами Сергея Половинкина.....	262
Из записей.....	278
Русская философия сегодня (вместо заключения)	340

*Моим первым учителям, сестре и брату,
посвящаю эту книгу*

Отвлеченностями люди не живут.

Флоренский

Предисловие

В книгу, которая предлагается читателю, помимо трех ранее не публиковавшихся работ, вошли те статьи и выступления, которые публиковались в сборниках и научных журналах, но не были включены в книгу¹. Особенное внимание в них уделено таким жанрам, как дневники и письма, а в целом — лицам, возможно, больше, чем сюжетам. Может показаться, что автор более увлечен литературой, чем философией. На самом деле я считаю, что нет идущей навстречу душе человека философии без выразительного, меткого слова, которым высказываются мысли и излагаются их сюжеты.

В первой части собраны исследования по различным персоналиям и аспектам философской мысли в России золотого и Серебряного века. Значительное место в ней уделено соотношению платонизма и экзистенциальной философии. Философские взгляды Флоренского и Дурылина анализируются как формы укорененного в русской культурной традиции христианского платонизма, а богословско-философская мысль Флоровского рассматривается на фоне экзистенциальной философии. Такому яркому ее представителю, как Лев Шестов, посвящены два исследования. Значение русской религиозно-философской мысли для возникновения европейского экзистенциализма демонстрируется в работе о преемственности и резонансе идей в последовательности Достоевский — Вяч. Иванов — Марсель.

Вторая часть книги посвящена философам, ученым и писателям советского и постсоветского периодов вместе с сюжетами их мысли. Открывает их ряд А. Ф. Лосев, перебрасывающий «мост» между русской мыслью Серебряного века и философией советского периода. Некоторым из перечисленных философов и писателей посвящены личные воспоминания. Завершает эту часть книги собрание тематически подобранных и ранее не публиковавшихся записей. Очерк сегодняшней русской философии подводит итог всей книге.

Единственным внутренним стержнем, соединяющим все очерченные в книге фигуры и темы, является увлеченность автора как

¹ На пути к Другому: от школы подозрения к философии доверия. М.: Языки славянской культуры, 2004; Философия Габриэля Марселя: Темы и вариации. СПб.: Издательский Дом «Мир», 2008; Очерки истории французской мысли. М.: ИФРАН, 2013; Пришвин и философия. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

читателя всеми ими, а порой дружба с некоторыми из них и при этом всегда продуктивный импульс, полученный от них. Характерно, что выбор персоналий и сюжетов каждый раз определялся схождением внешнего повода написать о них с внутренним резонансом с ними. Автор убежден в актуальности художественно ориентированной и экзистенциально углубленной философской мысли. Все составившие книгу публиковавшиеся ранее разделы заново отредактированы.

Хочу выразить свою признательность моим друзьям, историкам русской мысли. Благодарю за поддержку также коллег по Институту истории естествознания и техники, Институту философии РАН и сотрудников Библиотеки истории русской философии и культуры «Дом А. Ф. Лосева», в которой действует семинар «Русская философия», способствовавший созданию этой книги.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗОЛОТОЙ И СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК

РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Жуковский как философ: заметки благосклонного читателя

*Разобщение поэта и мыслителя —
только видимость, и оно в ущерб обоим.*

Новалис

В русской литературной и философской галерее множество лиц, которых и чувствуешь, и сам, воодушевленный ими, стремишься с ними беседовать. А вот в западной — такие имена большая редкость: много эрудитов-знакоков, есть интересные теоретики, но душ, которые захватывают, увлекают и вдохновляют, на наш взгляд, маловато. Рядом с Карамзиным, Пушкиным, Чаадаевым, Иваном Киреевским, Тютчевым, Леонтьевым и некоторыми другими такой душой, «небесной», по слову Пушкина, является Василий Андреевич Жуковский. У Карамзина, Жуковского и близких к их кругу людей русская философия только начинает формироваться. Она складывается не на ученой кафедре, а в беседе, споре, переписке, интимном дневнике. Ее задушевное, исповедально-дружеское происхождение во многом и определило сердечную привлекательность русской религиозно-философской мысли.

Шелер писал, что христианству не удалось претворить свое чувство бытия, своеобразие своего мировосприятия в ясную философию. Когда христианам была нужна философия, рассуждает он, они ее брали у язычников-греков — у Платона, Плотина и Аристотеля, прежде всего — и приспособливали для своих христианских задач. Однако нет ли в этом убеждении в неискоренимом философском инфантилизме христианства преувеличения? Думаю, есть. Восточное

христианство хотя и действительно сильно платонизированное на богословских высотах, тем не менее на своей почве, например в русской культурной традиции, пришло к тому, чтобы философский разум *внутренне* усвоил истину христианской веры, не перестав быть при этом философским. «Мы здесь для Бога, — пишет Жуковский Гоголю, — Тот, Кто, создав нас, вложил в нашу душу стремление Его постигнуть и с Ним соединиться, не мог нас ни для чего иного создать, как для Самого Себя. Так говорит здравый философствующий ум»¹. Вопреки мнению Шелера, христианство как жизнь, питаемая церковным опытом на почве православной традиции, смогло найти для себя философское воплощение.

Жуковского обычно не считают философом. А напрасно. Современные философы в этом качестве просто его не знают, околованные западными именами². А знающие про это литературоведы, как правило, слишком далеки от философии, чтобы развить эту тему. Не только в Серебряный век русской культуры, но и в золотой поэзия не мешала наделенным поэтическим даром быть еще и философствующими умами. Таким был Пушкин. Таким был его старший друг и учитель Жуковский. Такими были Веневитинов, Баратынский, Хомяков и другие любомудры и поэты этого времени. Хотя братья Киреевские поэтами, в узком смысле слова, не были, но поэтическо-философским духом своей эпохи были глубоко пропитаны, в частности благодаря их тесной связи с Жуковским. «Какую великую силу приобретает убеждение разума, — пишет Жуковский Гоголю, — когда оно становится опытом сердца»³.

¹ Жуковский В. А. Полное собрание сочинений в 12 томах / Под ред., с биографич. очерком и примеч. проф. А. С. Архангельского. Т. 10. СПб., 1902. С. 79 (сокращенно: ПСС). Другое, более полное и современное издание сочинений и писем Жуковского (в 20 т.) мы используем только в случае, когда возникает какая-то неясность.

² Историки русской философии включают Жуковского в энциклопедические издания по своей специальности. Но просмотр посвященных ему статей оставляет, мягко говоря, чувство неудовлетворенности. «Философские воззрения» его «сумбурны, эклектичны», у него «нет объективного исторического времени» — эти и подобные суждения как-то и не хочется даже опровергать (Русская философия. Малый энциклопедический словарь. М., 1995. С. 182). Давайте сначала благосклонно, с симпатией и почтением, без чувства своего — немного! — философского превосходства, просто как заинтересованные читатели вдумаемся в мысль и слово этого великого человека.

³ В. А. Жуковский из письма к Гоголю от 20.2.—4.3.1847. См.: Жуковский В. А. ПСС. Т. 10. СПб., 1902. С. 74.

Тема укорененного в верующем сердце разума, разума целостного, служащего источником «живого знания», отчетливо прочитываемая у Жуковского, свое развитие получит в русской религиозной мысли от Ивана Киреевского до Франка.

Жуковский не просто один из поэтов-мыслителей, каких в русской культуре было не так уж и мало. Он может рассматриваться как основатель самого типа *лирического философа*. Лирическим философом может быть и человек, не пишущий стихов, как, например, Пришвин или Дурылин. Но их генетическое родство с Жуковским неоспоримо. Шатобриан, старший современник русского поэта, причем достаточно близкий ему по умонастроению, обратил внимание на то, что романтизм с его культивированием мечтательного и чувствительного начала в человеке является плодом христианства. Конечно, метафизическая значимость самосознания, внутреннего мира человека была ясна уже Августину и Паскалю, но их голоса Европа, ослепленная блеском Вольтера и захваченная революцией, казалось, уже и не слышала. Поэтому слово «реакционного романтика» прозвучало вовремя, и его книга сразу стала бестселлером («Гений христианства», 1802). Фигура лирического философа возникает и всходит на этих сентиментально-романтических «дрожах». Ее первоявление в русской культуре мы и наблюдаем в жизни и творчестве Жуковского.

Усилиями Карамзина и Жуковского западная культура была не перенесена в Россию, а усвоена и пересоздана в качестве аутентичной русской культуры. В Туле Жуковский-мальчик, ему всего двенадцать лет, перекраивает на свой лад знаменитую повесть Бернарден де Сен-Пьера «Поль и Виргиния» в пьесу «Госпожа де ла Тур». Предромантический сентиментализм с его культивированием чувствительных картин, рисуемых изящным слогом, он впитал действительно «с пеленок». Французским языком Жуковский владел свободно с младенческих лет. Именно культура «чувствительного сердца», преимущественно в ее французской версии, начало которой положил Руссо, а продолжил Бернарден де Сен-Пьер, послужила основой для формирования его как творческой личности с характерным стилем и мировоззрением. Воздействие германской культуры он испытал по-настоящему позднее, найдя в немецком романтизме родственную душу⁴.

Место Жуковского в русской культуре определяется такими ее веками, как Карамзин и Пушкин. Карамзин ввел его в литературный мир,

⁴ Конечно, мы вправе говорить и о влиянии английской поэзии на Жуковского. Но все-таки воздействие на него французской, а затем немецкой культуры было более глубоким и значительным.

опубликовав его вольное переложение «Сельского кладбища»⁵, элегии английского поэта Томаса Грея, в «Вестнике Европы» (1802), а затем предложив место редактора этого журнала. Пушкин же по сути дела был его учеником как поэт. Однако вскоре его учитель признал, что в поэзии ему больше нечему его учить: «Победителю-ученику от побежденного учителя», — читаем мы на портрете Жуковского, подаренном им Пушкину в день окончания поэмы «Руслан и Людмила» (1820).

Задумчивость и мечтательность — это еще не философствование. Но когда они соединятся с метафизическим вопрошанием и рефлексией, то тут и начинается философствование. Читая «Дневник» Жуковского, невольно вспоминается другой дневник, писавшийся примерно в те же годы Мен де Бираном⁶. Вот этот философ в некоторых отношениях сопоставим с Жуковским-мыслителем. У обоих в дневниках речь идет о том, чтобы придать своей жизни освещенный высшим светом смысл. Но если Биран опирается на языческий стоицизм с тем, чтобы затем постепенно преодолеть его и обрести опору в августиновской традиции и в мистических тенденциях в католицизме, в частности у Фенелона, то Жуковский с самого начала своего пути уже находится в сфере притяжения христианского миропонимания, которое у него с годами лишь углубляется.

В дневнике Жуковский описывает свой опыт встречи с Богом, пережитый им, когда он на пределе духовного подъема по сверкающим снегам мчался из орловского Муратова в подмосковное Савинское к почитаемому им Ивану Владимировичу Лопухину (1756—1816), которого с ранней юности знал по дому Тургеневых и бесконечно уважал за ум и благородство. Он решил открыть ему свою любовь к Маше Протасовой в надежде получить его поддержку в своем стремлении к счастью. В пути, говорит Жуковский, «я не молился, но чувствовал, что Бог, скрытый за этим ясным небом, меня видел, и это чувство было сильнее всякой молитвы»⁷. И далее:

⁵ Жуковский в разное время трижды переводил эту элегию. Об истории его переводов см.: *Алексеев М. П.* Английская поэзия и русская литература // Английская поэзия в русских переводах (XIV—XIX века). М., 1981. С. 540—552.

⁶ *Maine de Biran M. F. P.* Journal intime. Т. 1—2. Р., 1927—1931. О нем см.: *Кротов А. А.* Философия Мен де Бирана. М., 2000; *Визгин В. П.* Мен де Биран и Габриэль Марсель // *Визгин В. П.* Очерки истории французской мысли. М., 2013. С. 66—82.

⁷ *Жуковский В. А.* ПСС. Т. 12. С. 140. Запись от 22.2.1813 или 1814 г. Мы склоняемся считать, что эта поездка имела место в феврале 1814 г. Жуковский начинает говеть в Великий пост именно после нее, а эта запись с упоминанием поста четко датирована 1814 г.

Сердце у меня билось, когда смотрел на чистое небо, и я мысленно давал себе клятву быть достойным своею жизнью Божества, обещающего мне такое счастье в своем мире: я чувствовал необходимость более любить Его, к Нему все относить, ибо в Нем видел крепость своего счастья. Религия есть благодарность. В эту минуту твердая вера представлялась мне ясно нужнейшею потребностью человеческого сердца <...>. Истинное достоинство человека в его мыслях и чувствах. Они невидимы для других, но известны Сердцеведу⁸.

В решительную минуту жизни небеса приоткрываются тридцатилетнему поэту более широко, чем в каждодневной обыденности. Что-то от августиновского обращения и от паскалевских мыслей слышится в этих дневниковых свидетельствах. Не надо думать, однако, что здесь имеет место чисто внутреннее мистическое событие, не имеющее никакого отношения к церковной жизни. Нет, именно в эти же февральские дни 1814 г. Жуковский постигает тайну христианского поста как необходимого условия «священного таинства исповеди и причастия»⁹.

Все эти духовно значимые события, укрепляющие и углубляющие его веру, способствовали более продуманному пониманию христианского мировоззрения. Вот показательная и вполне философская запись в дневнике 1821 г.: «Мир существует только для души человеческой. Бог и душа вот два существа; все прочее — печатное объявление, приклеенное на минуту»¹⁰. Язык русской философии еще не сформировался в эти годы. Сейчас мы бы сказали не «два существа», а *существуют* только они — душа и Бог, при этом душ много, а Бог — один. Это — инвариантное утверждение христианской онтологии.

У Жуковского как редактора «Вестника Европы» есть небольшая заметка, в которой он рассказывает читателям о своем посещении имени Лопухина. Здесь, в Савинском, на острове Юнга¹¹, находящегося в парке посреди озера, поэт осмотрел мраморную урну, посвященную Фенелону, на одной стороне которой, как он пишет, «изображена

⁸ Жуковский В. А. ПСС. Т. 12. С. 144.

⁹ Там же. С. 142.

¹⁰ Там же. С. 158. Стена одного берлинского дома, обвешанная множеством устаревших объявлений, вызвала у Жуковского медитацию о бренности всего на свете («веков, империй и народов»), кроме тех двух указанных им «сущств».

¹¹ Эдуард Юнг (1683—1765) — английский мистический поэт. «В его стихах преобладали мотивы отрешенности от земного бытия, размышления о смерти и вечности. Чрезвычайным успехом пользовались его “Ночные мысли”, многократно переведившиеся на русский язык» (Гаврюшин Н. К. Юнгов остров. М., 2001. С. 28).